

Кримські татари	248,2	247,6	354,9	360,5	0,51	0,87	145,2
Болгари	204,6	193,7	176,8	161,4	0,42	0,39	78,9
Угорці	156,6	154,4	151,1	148,7	0,32	0,36	95,0
Румуни	151,0	151,8	154,5	160,4	0,31	0,39	106,3
Поляки	144,1	127,5	102,1	81,1	0,30	0,20	56,3
Євреї	103,6	85,7	58,5	39,6	0,21	0,10	38,2
Вірмени	99,9	100,2	114,1	116,0	0,21	0,28	116,2
Греки	91,5	83,9	74,0	64,8	0,19	0,16	70,8
Татари	73,3	69,7	66,0	58,6	0,15	0,14	80,0
Цигани	47,6	45,5	42,3	39,7	0,10	0,10	83,3
Азербайджанці	45,2	46,9	53,7	60,4	0,09	0,15	133,7
Грузини	34,2	34,0	37,1	37,4	0,07	0,09	109,4
Німці	33,3	30,9	26,9	22,4	0,07	0,05	67,1
Гагаузи	31,9	31,1	30,1	28,8	0,07	0,07	90,3
Інші	369,5	355,8	326,9	875,9	0,77	2,11	237,0

Перспективні трансформації етнічного складу населення слід враховувати при формуванні стратегічних напрямів соціального розвитку країни. Невирішеними проблемами залишаються удосконалення інформаційного забезпечення етнодемографічних досліджень та формування стратегії етнодемографічної політики.

Джерела та література

- Лібанова Е.М., Позняк О.В. Прогноз етнічного складу населення України на період до 2016 р. // Розбудова держави. – 2000. – №1-6.
- Комплексний демографічний прогноз України на період до 2050 р. (колектив авторів) / За ред. проф. Е.М. Лібанової. – К., 2006.
- Комплексне демографічне дослідження в Україні / С.І. Пирожков, Е.М. Лібанова, О.Г. Осауленко, Н.С. Власенко та ін. / За ред. проф. Е.М. Лібанової. – К., 2005.

Summary

The article is devoted to problems of forecasting of the ethnic population structure. Methodic of construction of the ethnic forecast is presented, on the basis of the analysis of ethnodemographic development in Ukraine hypotheses of ethnic differentiation of natality, mortality and population migration on prospect are developed. The prognosis of 18 greatest ethnic groups of the ethnic population in Ukraine till 2026 is calculated.

С. А. Таранец

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ КУЛЬТУРНОГО БЫТОВАНИЯ МИГРИРОВАВШЕЙ КОМПАКТНОЙ ОБЩИНЫ

Проблема культурного и хозяйственного бытия достаточно крупного, устойчивого и относительно замкнутого социально-этнического объединения, обозначаемого как компактная группа в инонациональном окружении, представляет значительный интерес и в настоящее время является первостепенно актуальной для формирования адекватной этнополитики юга Украины. Именно территории Южного Причерноморья, Бессарабского края, его южной части – Буджака с их «размытыми» в конкретике историко-географической определенности границами являются ареалами миграционных движений кочевых народов и временной оседлости преходящих, сменяющих и вытесняющих друг друга культур. В результате сложных процессов этнического взаимодействия на этой территории к ХХI веку сложилась показательная картина калейдоскопичного расселения разнонациональных компактных групп, производных из мигрировавших в XVIII – XIX вв. общин украинцев, русских, болгар, молдаван, гагаузов, албанцев и иных народностей, в определенной степени изолированных и различающихся между собой не только на этническом уровне, но также и более детально – на уровне субэтническом.

В одном случае, переселенцы из различных мест России, например, православные выходцы из Обоянской губернии «обояне» (эндоэтоним) и старообрядцы, предположительно из Подмосковья, – «клиповане» образовали в Килийском районе не только отдельные размежеванные селения, но оказались подчас в не весьма дружелюбном соседстве друг с другом, также как и с украинским населением, в пределах смежных деревень, административно впоследствии интегрированных в более крупные населенные пункты (село Васильевка, город Вилково и т.д.).

В другом случае, применительно к Ивановскому или Болградскому районам, мы наблюдаем своеобразную картину чресполосного расселения общин болгар – выходцев из различных мест Балкан,

изначально обладающих различной, соответственно ареалу первичного бытования, диалектной базой традиционного языка, аутентичного репертуара народных исполнителей, подробностями обычаев и общинных хозяйственных ремесел. Однако в XX веке мы отмечаем целый пласт культуры, в том числе и народно-музыкальной, возникший и сформировавшийся в болгарской среде, без сомнения, уже после переселения на пустовавшие земли Придунавья в XVIII – XIX вв. и принадлежащий, следовательно, в какой-то пропорциональной мере всем переселенческим ответвлениям болгарского этноса.

Вопрос о типологии условий бытования и соответствующей им степени сохраненности традиционной национальной культуры означает в таких случаях дополнительный поворот и развитие общей проблемы взаимодействия этнически обособленной компактной группы и инонационального окружения, поскольку анализ материалов полевых исследований, даже на начальном этапе эмпирического подхода, обнаруживает закономерности, парадоксальные по сравнению с первоначально полагаемыми гипотетически и противоречавшие общим установкам, принятым в отечественной школе советского – постсоветского периода.

Так, обыденному сознанию специалиста, воспитанного в рамках авторитетной этнографической школы Ю.В. Бромлея, кажется вполне закономерной следующая схема естественного бытия культурной традиции:

– в местах первоначального расселения этноса при отсутствии довлеющего инонационального влияния и этнической ассимиляции культура сохраняется наиболее полно, в подробностях и компонентах устойчиво сберегая соответствующие различным временными этапам ее становления элементы; при этом происходит ее стадиальное обновление, приводящее к некоторым преемственным эволюционным формам развития;

– условия миграции и временного проживания этнической общины в среде родственного по культурно-бытовым признакам, генетически, и соответственно, дружественного населения создают предпосылки, с одной стороны, для достаточно полного сохранения традиций предыдущих, в том числе и архаичных этапов развития, а с другой стороны, открывают дорогу процессам внутриэтнической, с упрочением общеэтнического самосознания, и межэтнической (этногенетической) консолидации [1, с.67], производящей новую, более крупную этническую общность; при этом, наряду с охранительными тенденциями мы встречаемся с примерами культурного взаимодействия, межэтнического сотоворчества [2, с.8] и т.д.;

и, наконец,

– условия миграции с последующим дисперсным или компактным проживанием этнической общины в инонациональной сфере с достаточно контрастными культурно-бытовыми признаками, и как следствие из этого, нейтрально недружелюбной или даже враждебной, приводят к значительной потере определяющих культурных признаков, ставят под сомнение перспективу сохранности архаичных пластов культурной традиции, вопреки чему предполагается интенсификация процессов ассимилятивного плана, или, в лучшем случае, появление тенденций гомогенизации (межэтнической интеграции) [1, с.68] с образованием в перспективе новой культурной общности как результата сближения существенно далеких по культурно-языковым параметрам этнических единиц, обладающей уже некоторой новоопределенной культурной традицией интегрированного типа.

Рассмотрение реалий историко-культурного бытия этноса во многом опровергает данный стереотип представлений о закономерностях сохранения общиной своего этнического своеобразия в условиях компактного поселения, внося известные поправки в общие положения теории этнических групп. Исходя из этого, мы полагаем основной целью нашего изыскания на данном этапе исследования подбор эмпирических фактов, корректирующих исходные представления о культурном бытии компактной общины в различных вариантах инонационального окружения и позволяющих выйти к новым предварительным обобщениям и, в перспективе, к построению теории, регламентирующей взаимоотношение частей этноса на уровне ответвлений и субстрата, также как компактно проживающей этноопределенной группы и контрастного этнически окружения. При этом мы намеренно ограничиваем круг нашего аналитического обзора явлениями сферы духовной культуры, относя специфику быта и определяющие его феномены материальной культуры в область занятий специалистов-этнографов соответствующего профиля.

Как показывают множественные историко-этнографические наблюдения, находясь на территории начального расселения, этнос достаточно часто порождает внутри себя социальные группы, активно противопоставляющие преемственно передаваемой культурной традиции элементы или системные блоки контрастной культуры, заимствованной извне. Это, как правило, приводит не просто к трансформационным скачкам в коренной культуре, а к принципиальному слому ее механизма, обеспечивающего трансляцию ценностных ориентиров и самого ее фактического предметного наполнения между поколениями. Одним из наиболее показательных примеров такого рода «внедряющего слома» может служить пример возникновения в недрах этноса оппозиционирующей себя контр-культуры протеста [3, с.65-70].

В отечественной истории 2-й половины XX века появление движения «хиппи», а вслед за ним «панков» означало отнюдь не только довлеющую в среде молодежи смену менталитета и визуально фиксируемое утверждение моды на определенного рода прически, одежду, но и массовый приоритетный выбор особого рода музыкального искусства с присущей ему интонационностью, противопоставляемого всей академической, равно как и собственно коренной народно-музыкальной традиции, формирование языка словесного выражения, переполненного нарочитыми англиканизмами

[4, с.6], повышенный интерес к индуизму, атрибутике восточных культов – вопреки исконно исповедемому восточными славянами православию. Перспектива сохранности в таком случае традиционных жанров и архаичных культурных пластов на основной этнической территории представляется весьма проблематичной.

Как показывает практика полевых этнографических исследований в Одесской области, населенной в большинстве выходцами из разнонациональных мигрировавших общин, села, образованные переселенцами, скажем, из различных регионов Украины – Винниччины, Ивано-Франковщины, Запорожья и т.д., не только не создали сколь-нибудь полной традиции интегрированного типа, но и сохранили лишь в разрозненных отрывках память о традиционной свадебной игре, календарных обрядах мест первоначального расселения [5, с.10-12]. Формирование в течение XIX – XX веков на территории Придунавья некого «обобщенного» этнического типа болгарского переселенца по Л.В. Марковой [6, с.96,103-106], в данном случае, не означает формирование нового целостного организма народной культуры, обладающего устойчивой традицией с соответствующим символическим и художественным наполнением.

Этот факт позволяет выдвинуть парадоксальное на первый взгляд утверждение, что бытие переселенческой общины в условиях родственного по этнокультурным признакам окружения, возможно, вследствие нарушения принципа предпочтительной естественной эндогамии, приводит к достаточно быстрой потере членами общины глубинных этноопределяющих признаков, характеризующих специфику их как субкультуры. В то же время, качественно новые признаки, определяющие возникшую в результате консолидационных процессов общность, - не всегда являются логически преемственными и, тем более, продуктом обобщения по отношению к традициям этнических субстратов.

Вопреки этому, как показывает эмпирическое наблюдение над историко-культурным бытом старообрядческих поселений Одесчины, многократные миграции и непростые условия соседства с представителями других этносов, дистантными по конфессиоナルным и языковым параметрам, фактически не способствовали эволюционному развитию их культуры, но напротив, предопределили своеобразную «консервацию» многих уязвимых во времени и преемственной передаче между поколениями компонентов, составляющих глубинную основу этнического своеобразия общин.

Весьма показателен в этом плане пример казачьих поселений в устье Дуная (села Муравлевка, Старая и Новая Некрасовка Измаильского района). Населяющие их староверы-некрасовцы – «жестокосердые» (эндоэтноним) являются прямыми потомками участников Булавинского бунта, которые, изойдя в XVIII веке из казачьих станиц на Дону, перешли на Среднюю Кубань, а, впоследствии, к Дунаю и далее, на территорию, контролируемую Османской империей, к берегу Эгейского моря. В XIX – XX вв. некрасовцы частью возвратились в Россию, образовав поселения в Бессарабском крае, частью же мигрировали из Турции в США.

Сопоставление записей фольклора, сделанных А.Листопадовым и И.Я.Рогачевым-Вещенским в казачьих станицах на Дону, исходном пункте их миграции, и записей в Измаильском районе Одесчины, производившихся А.Соколовой, Г.Вирановским и С.Таранцом позволяет с уверенностью утверждать не только значительную степень сохранности у казаков-переселенцев традиций их материального быта и обрядности, но и качественно показательную «консервацию» их языка и песенности в культуре компактных поселений Придунавья по сравнению с реалиями культурных традиций мест первоначального бытования. При этом следует заметить, что наиболее активно ассимилятивные процессы в казачьих селах Придунавья стали идти в XX веке как раз между «некрасовцами» и конфессионально и территориально близкими с ними в бессарабском крае старообрядцами – «липованами».

Таким образом, даже начальный этап анализа реалий духовной культуры мигрировавших общин и тенденций эволюционного движения их традиций во времени с упором на компаративный принцип подхода приводят нас к ряду принципиальных выводов. Во-первых, наряду с типологией условий бытования этноопределенного компактного поселения, возможна и, следовательно, нуждается в научной разработке также типологизация сохранности его этноопределяющих признаков и традиционной культуры. При этом, данная типология в виде нескольких обозначаемых степеней сохранности должна учитывать не только квантитативный фактор, но и его квалитативное наполнение. В плане фольклорной традиции это касается общинной памяти по отношению к мифологии, героическому эпосу, архаичным пластам календарной и семейно-бытовой обрядности, различным песенным и непесенным жанрам, местным верованиям и преданиям, составляющим неписаную историю края (субэтноса), самого феномена социально-психологической готовности членов общины к фольклорному типу общения, участию в обрядовом действе, изустной передаче исполнительских навыков от старших к младшим.

Второй вывод побуждает нас отказаться от установления прямолинейного соответствия между качественными факторами условий этнического бытия обособленной компактной общины и степенью сохранности ее этноопределяющих признаков, тем более на уровне примитивных параллелей, типа «хорошо – хорошо», «плохо – плохо». Реальное соотношение типологических рядов, означающих различные условия бытования и степени «жизнеспособности этнического компонента», представляет гораздо более сложную, полную непрямых следствий и противоречий картину. Именно осмысление и научная интерпретация эмпирических фактов должны стать основой для построения новой теории, с

позиции современной этнографии объясняющей закономерности и механизм сохранения традиционной культуры компактной общины, имеющей опыт миграции и обитания в инонациональной среде.

Источники и литература

1. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М., 1981.
2. Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции. – М., 1974.
3. Мазурова А., Радзиховский Л. Стеб отстранения // Знание – сила. – 1991. – № 3.
4. Рожанский Ф.И. Сленг хиппи (материалы к словарю). – СПб: Париж, 1992.
5. Прігаріна Т.В. Традиційна календарна обрядовість слов'янського населення Південної Бессарабії та її трансформація протягом 20–70-х рр. ХХ ст.: Автoref. дис... канд. істор. наук. – Одеса, 1999.
6. Маркова Л.В. Болгары Советского Союза: тенденции этнического развития // Расы и народы. – 1989. – №14.

Summary

The article is devoted to the attempt of search of the regularities of being of the traditions in time and the ways of movement of the culture in the ethnic purity rural commune living in the contrast national environment. The notions about ethno-cultural processes accepted in scientific school of J.V. Bromlej are subjected to criticism in it on the basis of empirical facts.

ФОРМУВАННЯ УЗБЕЦЬКОЇ ЕТНІЧНОЇ ГРУПИ НА ПІВДНІ УКРАЇНИ (ХХ – ПОЧ. ХХІ СТОЛІТТЯ)

Необхідність подальшого удосконалення міжетнічних стосунків в незалежній Українській державі актуалізує проблему вивчення різних аспектів розвитку національних діаспор, в тому числі нечисленних, яким дослідники ще не приділили належної уваги. В повній мірі зазначена прогалина простежується у вивченні національних меншин – представників народів Центральної Азії, в тому числі узбеків. Вони з'явилися на території України вже в новітні часи і сьогодні, разом з українцями та іншими народами, є активними учасниками складних процесів розбудови молодої незалежної держави.

Історіографія розвитку узбецької діаспори в Україні знаходиться на початковій стадії розробки і складається лише з кількох публікацій. У 2005 році Радою національних товариств Миколаївської області видано збірку «Миколаївщина багатонаціональна: з історії етнічних спільнот регіону», в якій розміщена стаття про узбецьку діаспору в області [1, с.291-296]. Матеріали про окремих представників узбецької етнічної групи на Півдні України містяться в нарисах з історії окремих організацій та закладів [2, с.70], а також в періодиці [3]. У виступах учасників Міжнародної конференції «Україна-Узбекистан: паралелі історичного шляху та магістралі співробітництва в ХХІ столітті», що відбулася 1 лютого 2007 року в Києві, обґрутовано наголошувалось на необхідності активізації зусиль науковців у дослідженні українсько-узбецьких історичних зв'язків та проблем узбецької діаспори в Україні [4].

У даній статті автор ставить за мету дослідити етапи та особливості формування та культурного розвитку узбецької етнічної групи в новітні часи на матеріалах Півдня України.

Дослідники етнодемографічних процесів в Україні відносять узбеків до дисперсних мікроменшин. За культурною дистанцією щодо титульної нації, українців, узбецька спільнота належить до групи з віддаленою дистанцією (поряд з казахами, таджиками, киргизами, туркменами та іншими народами Центральної Азії, які раніше мешкали в СРСР). Незважаючи на велику культурну дистанцію між ними та українцями, вони мають багато спільних соціокультурних цінностей та норм, які сформувались в умовах єдиного способу життя у колишньому Радянському Союзі [5, с.284].

Підгрунттям формування узбецької етнічної групи в Україні стали давні історичні зв'язки між населенням України та Узбекистану, які значно активізувались після приєднання значної частини Центральної Азії до Російської імперії в другій половині ХІХ ст. та утворення Туркестанського генерал-губернаторства. Відтоді господарчі та людські ресурси українських земель активно використовувались царською владою для якомога скорішого освоєння знов придбаних східних територій та їх перетворення в колоніальні провінції Російської імперії.

У колонізації Туркестанського краю поряд з росіянами брали участь також українці. Їх перші компактні поселення з'явилися там наприкінці ХІХ ст. Переселення селян з українських губерній на схід посилилось під час столипінської аграрної реформи. Всього до російської частини Центральної Азії на початку ХХ ст. в пошуках вільних земель переселилося понад 100 тис. українців [6, с.260, 261, 267, 273]. Українські переселенці жили переважно ізольовано, в основній своїй масі не бачили потреби вивчати мову і культуру місцевого населення і самі все більше русифікувалися. Зазначене вище сприяло формуванню настороженого і навіть ворожого відношення корінного населення до колоністів, особливо заможних, які користувалися певними наданнями владою пільгами.

Однак, попри всі складності міжнаціональних взаємин, українські переселенці сприяли прогресивним змінам у господарстві краю. Застосування ними досконаліших знарядь праці,